

6. Рынков В. М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006.

В.Л. ПОМЫТКИНА
Тарский филиал казенного учреждения Омской области
«Исторический архив Омской области»,
г. Тара

**О материальном положении учителей и открытии школ
в Тарском уезде в 20-е годы XX века**

Советская власть всегда уделяла большое внимание образованию и ликвидации неграмотности. После 1917 года было издано 192 декрета и постановлений Совета Народных Комиссаров, касающихся деятельности ведомств учреждений просвещения. Но решительное наступление на безграмотность началось с опубликования Ленинского декрета «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». 26 декабря 1919 года Совнарком постановил: всё население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязательно обучаться грамоте на родном или русском языке, по желанию. Было постановлено ликвидировать неграмотность среди населения страны в возрасте от 18 до 35 лет к 10-й годовщине Октябрьской революции – 2 ноября 1927 года. [13] С целью быстрого осуществления ликбеза, 19 июня 1920 года была создана Всероссийская Чрезвычайная Комиссия. В сентябре того же года Сибревком принял решение создать при Сибнаробразе Сибирскую Чрезвычайную Комиссию по борьбе с неграмотностью, которой предписывалось составление перспективного плана ликбеза по каждой Сибирской губернии. Уже в январе 1920 года в Омске открыт 21 пункт ликбеза, а к весне их число удвоилось. [16] По переписи 1920 года 45% жителей города Тары были грамотными, а в сёлах ещё царил безграмотность. В целом по уезду грамотность составляла 16%, а среди женщин только 6%. [17] На февраль 1921 года в уезде была 281 школа 1 и 2 ступеней, в которых преподавало 369 учителей, обучалось 7 478 человек. В марте этого же года по уезду насчитывалось уже 300 школ 1 и 2 ступеней, 445 учителей и 7 528 учеников. [9]

Рассматривая материальное положение учителей в обозначенный период, обратимся к протоколу Сибирского съезда заведующих губернскими и уездными отделами народного образования от 22 ноября 1921 года, а именно, к речи заведующего Сибирским отделом народного образования, товарища Чудинова. Он говорил, что когда речь идёт о состоянии народного образования в Сибири, то, прежде всего, бросается в глаза чрезвычайно тяжёлое материальное положение работников просвещения. Армия работников просвещения распадается, учителя в поисках материального обеспечения бегут из школы во всевозможные более хлебные учреждения и предприятия, занимая самые разнообразные должности, до ресторанных лакеев включитель-

но. [5] Это отражало положение учителей не только по Сибири, но и в Тарском уезде в частности. Об этом говорит не только невысокая ставка жалования учителей, но и тяжелейшие условия труда в которых приходилось работать. При проведении анкетирования учителей Тарский отдел народного образования выяснил, что основными жалобами учителей были: сырость и холод в помещениях школ, недостаток продовольствия, в частности, муки, масла и мяса. Так, учитель одной из школ просил Тарский Отдел Народного образования выделить ему хлеба, чтобы не умереть от голода. [4] Уже к середине десятилетия ситуация изменилась в лучшую сторону. Например, на заработную плату школьным работникам в 1924-1925 и 1925-1926 учебных годах уходило более половины выделяемых средств: 66,5% в 1924-1925 уч. году и 62,2% в 1925-1926 уч. году. [15]

Также неудовлетворительным было и обеспечение учебного процесса. Обычно недовостало обычных вещей. Например, школьный работник Фирсов просит Отдел Образования школы выслать для Трещёткинской школы бумагу для детских тетрадей, карандаши и несколько детских букварей, а школьная работница М. Морозова просит снабдить Некрасовскую школу Крайчиковской волости грифелями и учебниками, освещением для занятий со взрослыми. Школьный работник Кушнарёв просит выслать для Солдатовского училища Ложниковской волости бумаги, ручек, перьев и карандашей на 28 учеников. [3] И таких примеров множество. Не лучше обстояло дело и с оборудованием школьных помещений. Сами здания давно не ремонтировались, пришли в полный упадок, становились непригодными для просветительской работы. Одна из главных причин этого - военная обстановка предшествующих лет и невозможность ввиду этого обращать большое внимание на мирное хозяйственное строительство. Из речи заведующего Сибирским отделом народного образования, товарища Чудинова: «...отношения других советских и партийных учреждений и организаций к Народному Образованию было до сих пор ненормальным: отдельные должностные лица и целые учреждения считали нужным иногда галантно расшаркиваться перед Народным Образованием, любезно улыбнуться в его сторону с тем, чтобы вновь основательно забыть его нужды. При создавшейся обстановке то, что дело Народного Просвещения оттесняется в последние ряды, является огромным историческим недоразумением». [6]

В начале 20-х годов государство могло обеспечить лишь 12-18% потребностей народного образования, следовательно, 80-90% средств существования органам народного образования приходилось добывать самим. Эту ситуацию можно было разрешить переходом на местный бюджет. Но местный бюджет ещё долго не мог обеспечить учреждения народного образования.

Выходом из этого положения могло бы стать:

1. Сокращение учреждений образования до минимума путём выбора самых необходимых. При этом нужно было руководствоваться: степенью государственной заинтересованности в этих учреждениях, степенью заинтересованности в них рабоче-крестьянской массы.

2. Перевод отдельных учреждений на систему самообслуживания.
3. Привлечение населения к государственному обслуживанию учреждений по народному образованию.
4. Самообложение местного населения на основе декрета СНК от 15 сентября 1921 года. Но это относительно сельских школ. [7]

Так, с 13 марта 1923 года положением ВЦИК и СНК плата за обучение в трудовых школах города Тары стала устанавливаться с 1 сентября 1923 года. Ввиду отсутствия средств у Отдела Народного Образования, в волостях уезда школы снабжались за счет местного населения и открывались на договорных началах. Договоры с местным населением заключались обязательно на целый, а не на учебный год, так как из-за неполной оплаты труда школьные работники оставались без средств к существованию. Наименьшая ставка жалования учителю устанавливалась не меньше 5 пудов ржи ежемесячно на круглый год с допущением замены части хлеба другими продуктами. Продовольствие школьному работнику собиралось в начале учебного года и выдавалось в начале каждого месяца. При отсутствии такого организованного сбора учителям приходилось самим ходить по деревне и выпрашивать себе заслуженное содержание. Условия договора формулировались точно и ясно с указанием мер взыскания. Для заключения договора в село командировался свой представитель от УОНО. Школы, не заключившие договор в указанном порядке, к открытию не допускались. [11]

Что же касалось просветительских учреждений в городе, то здесь планировался целый ряд мер по взысканию средств к их существованию. Кроме установления местного налога, входящего в местный бюджет, указывалось на возможность организации разного рода добровольных сборов и пожертвований для снабжения и содержания школ. [8]

В 20-е годы XX века здания под школы либо снимались у местного населения, либо переносились в здания, подходящие по условиям для обучения, либо строились новые здания, специально под школы. В случае аренды здания, между сторонами заключался письменный договор, в котором оговаривался срок аренды, арендная плата и другие условия. Так, например, 20 сентября 1920 года между жителем посёлка Николаевский Корсинской волости Максимом Титовичем Кондратьевым и Школьным Советом Николаевской Трудовой Школы был заключён договор, по которому Кондратьев сдал в аренду на один год под школу собственный дом из двух комнат с платой 12 000 рублей в год. Он сам обязуется обеспечивать его отопление и обязанности сторожа принимает на себя. Деньги за аренду должны выплачиваться ежемесячно по 1 000 рублей. В случае неисполнения обозначенного условия Кондратьев отвечает неустойкой в 5 000 рублей. [2]

В начале десятилетия строительство школ проводилось на средства уездного, а после ликвидации уездов, на средства окружного отдела народного образования, при непосредственном участии в строительстве местного населения. Так 15 апреля 1921 года жители посёлка Верхне-Чайкинского Вятской волости обратились с просьбой к Тарскому уездному отделу народного образования открыть в их посёлке школу, потому что ближайшая школа

находится в восьми верстах в селе Вятском, а обучаться должны 32 человека. Жители посёлка обязались взять на себя доставку брёвен для постройки школы. Граждане деревни Мартюшово Атирской волости тоже обращались в Тарский уездный отдел народного образования с просьбой открыть с начала учебного 1921 года школу, и обещали дать для школы соответствующее помещение с отоплением, а так же принимали на себя обязанности по обеспечению продовольствием школьного работника. Похожие заявления поступали и от жителей деревни Скатово Скатовского сельского совета, посёлка Ново-Ермаковский Егоровской волости и других. [10] В среднем на постройку школы уходило 10 000 рублей. Но бывали случаи, когда затрачивалась и большая сумма. Например, на возведение школы в Тевризе было выделено 13 500 рублей. По ходу строительных работ было затрачено: на строительные материалы (лес и проч.) – 2 746 руб. 05 коп., на рабочую силу – 9 380 руб. 05 коп., на технический надзор – 375 руб., на охрану материалов – 144 руб. 14 коп., на краску, железо – 2 239 руб. 14 коп., на установку печи, покраску крыши, окон, полов и др. – 2 528 руб. В итоге на все работы ушло 17 412 рублей 38 копеек, что на много превысило выделенную сумму. [14]

Уже в 1922-1923 учебном году в уезде была открыта более чем одна школа на волость. К концу учебного года в уезде было 136 школ, из них 38 школ содержались на государственные и 98 школ на местные средства. В городе работали 4 школы 1-й ступени и один политехникум, две 7-летние школы в городе и две в уездах – Евгашино и Муромцево. Все остальные школы были трёхлетнего типа. Учителей в городе и уезде было 178 человек, из них 68 находились на госснабжении, 110 – на местном. Из 110 человек, содержащихся на местные средства, 13 содержались на средства хозяйственных органов, а 97 человек исключительно на средства деревенского населения. Учащихся в школах города – 795 человек, в школах уезда – 3717 человек. [12] Договорная кампания по открытию школ хоть и увеличила открытие таковых, но, в тоже время, она понизила общий уровень даваемых школой знаний, так как во многих школах уезда за это дело взялись люди специально не подготовленные, кроме того, договорная система уменьшила заработную плату учителя, оставив его без средств на летние месяцы. Наконец, договорная система привела к снижению числа учеников, так как плата учителю собиралась в большинстве не со всего населения, а только лишь с родителей учащихся. А количество учеников в школах колебалось от 15 до 25 человек. Наибольшая ставка содержания учителей по договорам была зарегистрирована в Финской волости – 3 пуда хлеба, 20 фунтов мяса, 12 фунтов масла. Во всех остальных волостях учителя снабжались хуже, были случаи, когда учитель получал 1 пуд хлеба в месяц и больше ничего. Школы города работали в лучших условиях. Это и хороший подбор школьных работников, и обеспечение топливом и т.д.

Ситуация в области просвещения и образования к 1925 году стала меняться в лучшую сторону. И хотя общее количество школ уменьшилось с 326 в 1920 году до 216 в 1924 году, то количество учеников, наоборот, возросло с 7 478 человек, на февраль 1921 года до 8 465 человек на 1 января 1924 года.

[1] Это было связано, в первую очередь, с тем, что происходило увеличение количества учащихся в школах, путём закрытия одних школ с наименьшим числом учеников и переводом их в другие школы. Такие меры были приняты для того, чтобы сократить расходы на содержание школьных зданий и учителей, так как жители не каждой деревни или села могли себе это позволить.

Список использованных источников и литературы

1. ТФ ГИАОО.Ф.72. Оп.1. Д.138. Лл.28 – 31.
2. Там же. Ф.72. Оп.1.Ф. 127. Оп.1. Д.19. Л.128.
3. Там же. Ф. 127.Оп.1.Д.19. Лл.132 – 136.
4. Там же. Ф. 127.Оп.1. Д. 72. Л. 46.
5. Там же. Ф. 127. Оп.1. Д. 85. Л.1.
6. Там же. Ф. 127.Оп.1. Д.85. Лл.1 – 4.
7. Там же. Ф. 127.Оп.1. Д.85. Лл.1 – 6.
8. Там же. Ф. 127.Оп.1 Д.85. Лл.1 – 6.
9. Там же. Ф. 127.Оп.1. Д.88. Л.79-86.
10. Там же. Ф. 127.Оп.1. Д. 91. Лл.3, 107, 172.
11. Там же. Ф. 127.Оп.1. Д.112. Лл.17 – 21.
12. Там же. Ф. 127.Оп.1. Д. 112. Лл.9,17,21,44.
13. Там же. Ф. 127.Оп.1. Д.175. Л. 40.
14. Там же. Ф.228. Оп.1. Д.59. Лл.95 – 101.
15. Там же. Ф.228. Оп.1. Д. 59 Л. 211.
16. Азаров А.И. Из истории народного образования Омской области. Омск, 2001. С. 41
17. Колесников А. Вглубь истории // Тара: к 400-летию основания города. Омск, 1994. С. 24.

Н.А. СЕДЕЛЬНИКОВА
Филиал ОмГПУ в г. Таре

Старшее поколение как наставники и хранители традиций историко-культурного наследия

Историко-культурное наследие, как совокупность ценностей, оставленных нам предками, воплощено в материальных объектах, людях, точнее в их образе жизни, обычаях, навыках, духовно-культурных феноменах. Наследие обеспечивает прочную связь времён, своего рода ось, нанизывающую часто больше поколений, чем можно увидеть при первом знакомстве с конкретными объектами наследия.

Омское Прииртышье является создателем и хранителем богатого историко-культурного наследия. Историко-культурное наследие пополняется новым научным знанием представления граждан о российском историко-